

DOI: 10.15372/HSS20210102

УДК 902/904(571)

С.П. НЕСТЕРОВ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПОЛЬЦЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВОСТОЧНОМ ПРИАМУРЬЕ*

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 17

Появление в Восточном Приамурье польцевской культуры относят ко второй половине I тыс. до н.э. Концепция о ее происхождении на основе урильской культуры высказана после масштабных раскопок памятников в Кукелевском археологическом микрорайоне в 1960-е гг. Начало формирования польцевской культуры отнесли к VII–VI вв. до н.э. Дальнейшие исследования гончарства урильской и польцевской культур определили их сосуществование в пределах V в. до н.э. На современном этапе исследования польцевской культуры произошли заметные изменения в представлениях о генезисе данной культуры, получены новые радиоуглеродные даты для некоторых поселений, но основным пока остается положение об урильской составляющей как основе формирования польцевской культуры. Миграционное направление в формировании польцевской культуры обозначено не явно. Китайские исследователи отмечают сходство материалов культурного типа ваньяньхэ и культуры гуньтулин с сопредельной территории правого берега Амура – Нижнесунгарийской равнины, или Саньцзяна, с польцевской культурой. Они высказали предположение о миграционном характере появления этих культур в Приамурье, участие населения урильской культуры в их становлении ими также не отрицается.

Ключевые слова: Приамурье, польцевская культура, концепции происхождения, Саньцзян, ваньяньхэ, гуньтулин, миграция, относительная радиоуглеродная хронология.

S.P. NESTEROV

THE CURRENT STATE OF THE PROBLEM OF THE POLTSE CULTURE ORIGIN IN THE EASTERN AMUR BASIN

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Ak. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article presents a modern vision of the research history of the Poltse culture origin in the eastern Amur Basin. The main database appeared as a result of excavations in the 1960s of settlements of this culture near Kukelevo village at the Kochkovatka River, tributary of the Amur River. New excavations of the Poltse culture Zheltyy Yar, Malmyzh-I sites aimed to obtain new material to clarify the situation with its early stage. However, they made it possible to identify artifacts of this culture's late period and transition of population of the eastern Amur Basin to the early Middle Ages. Its formation on the basis of the Uril culture was attributed to the VII–VI centuries BC since the beginning of the study of the Poltse culture. Further studies of the pottery of the Ural and Poltse cultures proved their coexistence within the V century BC. The new radiocarbon dates for dwelling 1 of Zheltyy Yar site with Uril ceramic vessels have shown its existing in the II century BC. The author suggests that the Kolchem-type ceramics of the Lower Amur are very close to those of the Uril culture, and their carriers existed on the margins of the Poltse culture world at the turn of the era. These facts indicate that later the population of the Uril culture could live together in the same territory complementing each other with the achievements of their cultures in housing construction, everyday life and economic activity during the period of assimilation by the early carriers of the Poltse traditions. At the present stage of the study of the Poltse culture, certain changes have taken place in the perceptions of its genesis, new radiocarbon dates of some settlements have appeared, but the conclusion about the Uril component as the basis of its formation remains in the first place. The migration direction is not clearly indicated. The Chinese researchers see the similarity of the Wanyanhe and Guntulin culture materials in the Amur Basin (Heilongjiang) with the Poltse culture. However, they do not deny the participation of the Uril culture's population in their formation in the new territory.

Key words: Amur Basin, Poltse culture, origin concepts, Sanjiang, Wanyanhe, Guntuling, migration, relative, radiocarbon chronology

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Этнокультурная динамика в Приамурье во второй половине I тыс. до н.э.: происхождение польцевской культуры» № 20-09-00192А.

Сергей Павлович Нестеров – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: nest-erov@archaeology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3629-2730>.

Sergey P. Nesterov – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ.
КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ РАСКОПОК

Первые систематические научные сведения об археологических материалах, в том числе о трех погребениях у памятника Винзавод в г. Хабаровске, из жилища пос. Малмыж-1, которые в дальнейшем были отнесены к польцевской культуре, были получены А.П. Окладниковым в ходе исследований на нижнем Амуре в 1935 г. [1, с. 17–19; 2, с. 165].

Следующий этап уже интенсивного накопления материалов по данной культуре приходится на конец 1950-х – 1960-е гг. Масштабные раскопки проведены на пос. Амурский Санаторий (Винзавод); открыты и исследованы поселения в окрестностях с. Кукелево Еврейской АО (Польце I, II, Кочковатка, Кукелево, Рыбное Озеро II, Круглое Озеро), а также на р. Бира (Желтый Яр). К 1970-м гг. на территории от Хабаровска до Николаевска-на-Амуре обнаружено более 50 поселений польцевской культуры, получившей это название после раскопок 1963–1964 и 1966–1967 гг., 10 жилищ в 5 км западнее с. Кукелево, которое местные жители называют «Польце»¹. Всего же в восточной части Приамурья от Малого Хингана до низовьев Амура выявлено более 100 памятников [3, с. 6–7].

До начала XXI в. в изучении памятников польцевской культуры в Приамурье отмечается некоторое «затишье»: на протяжении примерно 30 лет масштабных раскопок не проводилось. Однако в эти годы выходит ряд монографических изданий, где обобщаются результаты исследования урильской и польцевской культур [2; 4; 5].

Раскопки польцевских памятников проводились, но в небольших объемах. Так, на Петропавловском озере В.Н. Копытько исследовано 11 погребений, совершенных по обряду кремации [6]; одно аналогичное захоронение раскопано В.Е. Медведевым на о. Сучу [7, с. 305]. Погребение на о. Сучу на Амуре имеет возраст, согласно калиброванным радиоуглеродным определениям (кал. $\pm 2\sigma$), между 106 г. до н.э. и 52 г. н.э. (2020 ± 30 л.н., СОАН-1279). Для Петропавловского могильника получены два неравнозначных калиброванных интервала: 350 г. до н.э. – 320 г. н.э. (1970 ± 100 л.н., ЛЕ-4167) и 210–640 г. н.э. (1620 ± 100 л.н., ЛЕ-4166) [8, с. 13]. Их корреляция позволяет отнести данный некрополь к 210–320 гг., т.е. к III – первой половине IV в. В.Е. Медведев все эти погребения датировал концом I в. до н.э. [8, с. 16]. Таким образом, получается, что у польцевского насе-

¹ Такое название в 1987 г. автор встретил в одном из археологических отчетов по Курской губернии Российской империи, хранящемся в Институте истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург. Данный факт свидетельствует о том, что среди казаков-переселенцев из Забайкалья, основавших в 1858 г. на левом берегу р. Кочковатка с. Кукелево, были выходцы и из далекой западной части России.

ления произошла смена погребального обряда с ингумации, представленной захоронениями недалеко от пос. Амурский Санаторий и на памятнике Кондон-Почта [3, с. 95–96; 7, с. 305], на кремацию.

Однако анализ опубликованных материалов погребений Петропавловского могильника позволяет усомниться в отнесении их к трупосожжениям. Не вызывает сомнения лишь факт использования огня в погребальном обряде, так как заполнение могильных яттен состоит из углистой массы; встречаются обгоревшие плахи от обкладки могилы; многие предметы (в том числе остатки берестяных емкостей), зерна проса и конопля, камни обожжены. Что касается остатков сожженных костей (пепла), то только в одном случае указывается на «мелкие косточки синечерного цвета», найденные рядом с обгоревшими плахами (погребение 7). Как человеческие они не определяются. Фрагменты скелетов из других погребений представлены обломками обгоревших (погребение 2) или не обгоревших (погребение 4, 10, 11) обломков трубчатых костей. Другой костный материал характеризуется как «несколько обожженных косточек» (погребение 3, 5), «мелкие косточки» в углистой массе (погребение 9). В погребении 8 костей человека вообще не было, а погребальный инвентарь состоял из вазовидного сосуда, кости животного и обгоревших зерен проса [6, с. 3–6]. Наличие в данных могилах незначительного количества обожженных человеческих костей, скорее, говорит об использовании огня во время вторичного погребения костей, собранных на месте первичного воздушного захоронения, чем об обряде трупосожжения.

В 1992–1993 гг. В.А. Дерюгиным на пос. Малмыж-1 раскопаны два жилища, материалы которых находят наиболее близкие аналоги и среди артефактов пос. Желтый Яр, Амурский Санаторий в Приамурье и Глазовка-городище в Приморье [2, с. 166]. В Приамурье, в Бикинском районе Хабаровского края, в 2000 г. В.А. Краминцевым при раскопках Васильевского городища зафиксирован ранний горизонт, относящийся к польцевской культуре. Из обнаруженных в нем около 200 фрагментов керамики восстановлены вазовидный и баночный сосуды с отогнутым наружу венчиком, а также крышки сосудов [9; 10]. Несколько памятников польцевской культуры открыто в долине р. Кур (левый приток Амура): Най-1 и -2, Мыс, Новокуровский Залив и др. На них обнаружены западины жилищ, найдены целые баночные сосуды с отогнутым наружу венчиком и крышки [11]. В 2008 и 2009 гг. О.В. Яншиной проведены новые раскопки двух жилищ на поселении Желтый Яр [12].

Всего за 85 лет раскопок памятников польцевской культуры в Восточном Приамурье исследовано около 30 жилищ, примерно 15 захоронений, совершенных разными способами, получены материалы из

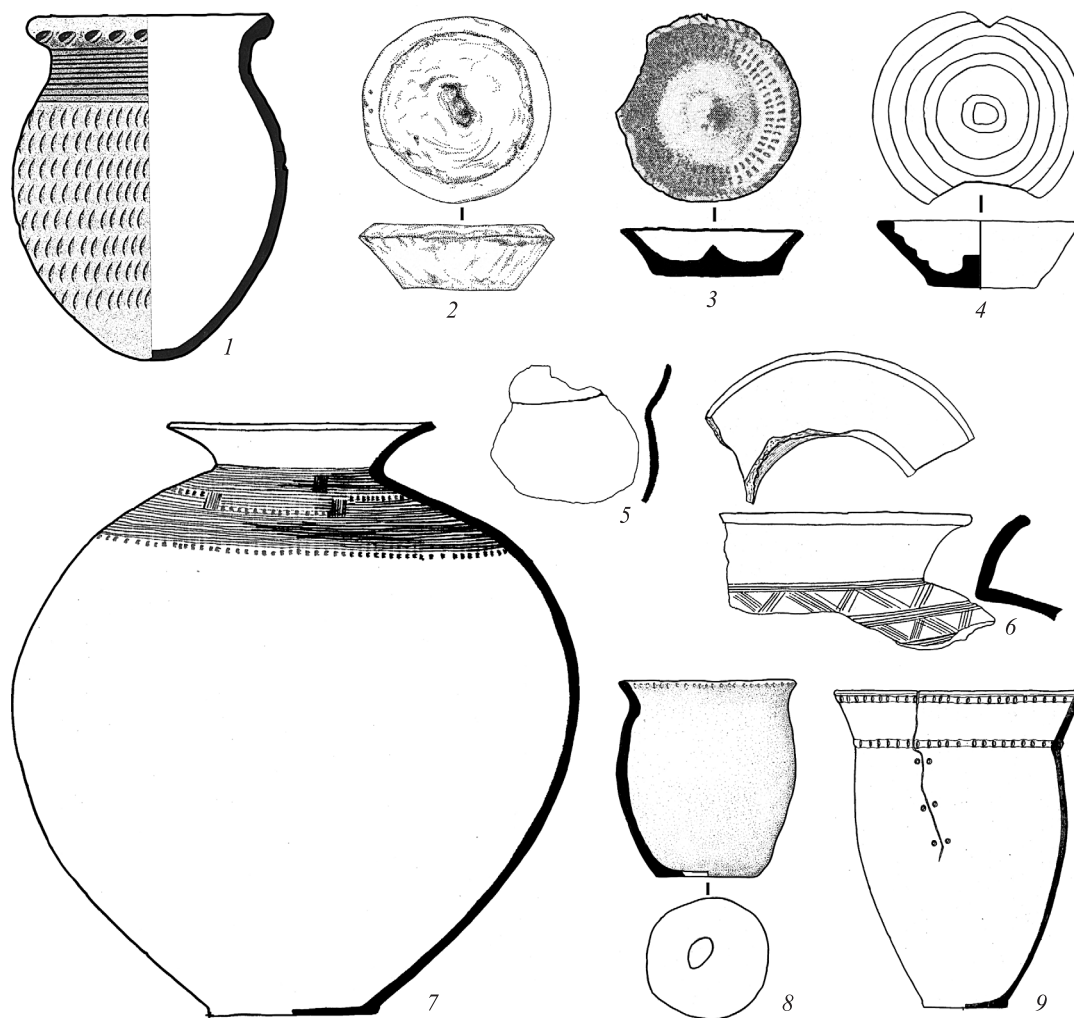
культурных слоев на нескольких многослойных объектах, в том числе на уже известном памятнике Амурский Санаторий [13].

КОНЦЕПЦИИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОЛЬЦЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Основная концепция о происхождении польцевской культуры на местной более древней основе урильской культуры была высказана сразу же после раскопок ее памятников в 1960-е гг. В периодизации культуры были определены три хронологических этапа: желтоярковский – ранний или переходный от урильской культуры (Кочковатка, Рыбное Озеро II, Желтый Яр, Польце II); польцевский – время распространения классических памятников, таких как Польце I и Амурский Санаторий; и кукелевский – финаль-

ный, выделенный на тот момент условно (Кукелево, Бензобаки, Кочковатка II) [3, с. 158, 161].

Новые радиоуглеродные определения, полученные по трем образцам угля из жилища 1 (2008 г.) ключевого памятника Желтый Яр раннего этапа, неожиданно показали, что оно и жилище 2 относятся к V–VII вв. н.э. По мнению О.В. Яншиной, на памятнике Желтый Яр присутствуют два горизонта заселения данной площадки. К раннему относится жилище 1 (1967 г.), к позднему – жилище 2 (1969 г.) и жилища 1, 2 (2008 и 2009 гг.) [12, с. 264–267]. В целом позиция автора о принадлежности к раннепольцевскому этапу материалов из жилища 1 (1967 г.) не подвергается сомнению [12, с. 260]. Несмотря на то, что О.В. Яншина видит сходство сосудов первого типа с плавно вогнутой S-образной горловиной, яйце-

Керамика с поселений Желтый Яр (1, 4–9), Максим Горький (2) и Амурский Санаторий (3). 1 – по: [12, с. 262]; 4, 6–9 – по: [17, с. 196, 199, 202, 204, 205]; 2 – по: [4, с. 334]; 3, 5 – по: [3, с. 348, 311].

Ceramics from the settlements of Zheltyy Yar (1, 4–9), Maxim Gorky (2) and Amur Sanatorium (3). 1 – by: [12, p. 262]; 4, 6–9 – by: [17, p. 196, 199, 202, 204, 205]; 2 – by: [4, p. 334]; 3, 5 – by: [3, p. 348, 311].

видным туловом и сравнительно плоским дном (рисунок, 1) с посудой ольгинской культуры Приморья, она также указывает на аналогии и в Приамурье. По ее мнению, такая керамика здесь представлена достаточно широко (Малмыж-1, Ханку, Змейка-1, Удинск, Гагцынга, Кукульня, Быки-1 и др.). Но в целом вопрос о ее ареале остается открытым [12, с. 261–262, 270–271]. Данный тип сосуда с Желтого Яра И.Я. Шевкомуд назвал *маркером* не только для его позднего комплекса, но и в целом для кукелевского этапа польцевской культуры, добавив к списку О.В. Яншиной еще ряд памятников с нижнего Амура (Иннокентьевка-4, Сусанино-9, -10) [14, с. 167].

Эти последние наработки в исследовании проблем польцевской культуры ставили своей целью получение нового материала для прояснения ситуации с ее ранним этапом [12, с. 259]. Однако на деле они позволили выявить артефакты, которые характеризуют, скорее, последний этап данной культуры и переход населения Восточного Приамурья в следующую фазу исторического развития – в раннее Средневековье, которое на данной территории увязывается с известными из китайских летописей племенами хэйшуй мохэ. В.Е. Медведев полагает, что «в IV–V вв. в Приамурье и соседних регионах существовала гибридная польцевско-мохэская культура, а вернее – переходный период от одной культуры к другой» [15, с. 207]. При этом на современном этапе исследования позиция желтоярковского этапа как раннего, связанного с формированием польцевской культуры, осталась в том же виде, как она была сформулирована в 1960–1970-е гг.

В 1990-е гг. начало формирования польцевской культуры в V в. до н.э. в Восточном Приамурье было дополнительно обосновано А.В. Гребенщиковым на основании изучения гончарства носителей урильской культуры и серии полученных радиоуглеродных дат. По его мнению, близость ряда дат «разнокультурных комплексов эпохи раннего железа заставляет предполагать вероятность длительного сосуществования носителей урильской и польцевской культур» в рамках V в. до н.э. [16, с. 72].

О возможном сосуществовании населения двух культур на северо-востоке нижнего Амура писал И.Я. Шевкомуд, который считал, что керамика кольчёмского типа (Кольчём-3, верхний слой с жилищем; Голый Мыс-5, комплекс А) «очень близка урильской, но по радиоуглеродным датам (около рубежа эр) существующей уже в польцевском окружении. Вероятно, на окраинах польцевского культурного мира происходит некоторая консервация урильских традиций» [14, с. 170].

Эти факты говорят о том, что позднее население урильской культуры и ранние носители польцевских

традиций могли проживать чересполосно, дополняя достижениями своих культур друг друга в домостроении, быте и хозяйственной деятельности (жизнеобеспечении, гончарстве, металлургии и др.). К поздним памятникам урильской культуры в настоящее время относят поселения Кочковатка (жилище 1), Бензобаки, Петропавловка и Максим Горький, обитатели которых могли быть современниками польцевских первопоселенцев в Восточном Приамурье. «В керамических комплексах этих памятников отмечается присутствие посуды и предметов мелкой пластики типично польцевского облика, что может служить дополнительным аргументом в пользу идеи о непосредственном соседстве представителей различных этнокультурных групп древнего населения» [16, с. 72]. К числу таких изделий принадлежат чаши-светильники (рисунок, 2). Аналогичные чаши-жировики с выступом на дне для опоры фитиля есть в материалах польцевской культуры из жилищ 2, 9 поселения Польце I (7 экз., причем 5 из них происходят из жилища 2) (рисунок, 3), Польце II (2 экз.), Амурский Санаторий (2 экз.). Присутствуют светильники и в жилище 1 (1967 г.) поселения Желтый Яр, в материалах которого, по мнению исследователей, отражена конкретная специфика урило-польцевских изменений (рисунок, 4) [16, с. 72].

Еще одним признаком поздних памятников урильской культуры считается появление особого типа посуды с горловиной «необычных очертаний», под которыми подразумевается ее выпуклость наружу. На поселении Максим Горький – это горшки, на памятниках Бензобаки и Кочковатка такая горловина встречена на двух сосудах-сфероидах [16, с. 73]. Похожий фрагмент сосуда найден на памятнике Желтый Яр (рисунок, 5) [3, с. 341, табл. LXIII]. В публикации не указано, из какого он происходит жилища, но сравнение с полным поквадратным описанием результатов раскопок жилища 1 в 1967 г. позволяет исключить данный сосуд из материалов этого жилища и из пространства вокруг него на общей площади в 256 м² [17]. Он может быть связан или с артефактами из жилища 2 (1969), или с окружающей его территории. Необходимо заметить, что в керамических комплексах польцевской культуры сосудов с подобной горловиной, напоминающих тыкву-горлянку, не встречено.

Назвав польцевских первопоселенцев современниками позднеурильского населения, А.В. Гребенщиков, по сути, высказался за их переселение на данную территорию, не раскрывая района его исхода [16, с. 72]. Тем самым обозначено положение о происхождении польцевской культуры как миграционной, скорее всего, протопольцевские племена пришли на земли Восточного Приамурья (как левобережья, так и правобережья – в Саньцзян) и вступили с местным

урильским населением в этнокультурный контакт, который закончился ассимиляцией носителей урильской культуры, возможно, не ранее рубежа эр.

Если это так, то встает правомерный вопрос: могла ли ассимиляция продолжаться полтысячелетия, примерно с VI–V вв. до н.э.? И в этом плане очень важно определить хронологию позднего периода урильской культуры, ранние даты польцевской культуры и время бытования жилища 1 (1967 г.) поселения Желтый Яр, материалы которого легли в основу начального этапа польцевской культуры.

ХРОНОЛОГИЯ УРИЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Прежде чем говорить о хронологии урильской культуры в Восточном Приамурье, необходимо отметить, что, согласно миграционной концепции ее происхождения в Приамурье, протоурильское население переселилось в этот регион из западных и юго-западных пределов Маньчжурии и восточных районов Внутренней Монголии в XI в. до н.э. вследствие экспансии государства Западное Чжоу [18; 19, с. 245–246]. Двигаясь двумя путями – через верховья р. Нэнцзян (Нонни) и по долине р. Сунгари, две группы протоурильского этнокультурного конгломерата вышли соответственно: одна – в Западное Приамурье в район о. Урильского на Амуре, другая – в район впадения р. Сунгари в Амур. Естественной границей между двумя районами пришлого населения Маньчжурии, как и в предыдущие эпохи, стали горы Малого Хингана с труднопроходимым 150-километровым участком Амура, осложнявшим контакты населения к западу и к востоку от них.

На территории Приамурья урильская культура, согласно данным радиоуглеродного датирования ее памятников, существовала с XIII по III в. до н.э. (1260–204 гг. до н. э.) [20, с. 97, 103–104; 21, с. 90–93; 22; 23, с. 304–305].

Время существования населения урильской культуры в Западном Приамурье, согласно серии радиоуглеродных дат и стратиграфическим данным с памятников Сухие Протоки-1, -2, Букинский Ключ-1, Безумка, Малые Симичи на р. Бурее с четко разделяемыми культурными слоями, определяется от XI до II в. до н.э. В конце III–II в. до н.э. здесь в результате миграции из Восточного Забайкалья прототалаканских племен и при участии населения урильской культуры сформировалась талаканская культура заключительного этапа раннего железного века (II в. до н.э. – III в. н.э.).

Отсутствие в радиоуглеродной хронологии урильской культуры Западного Приамурья значительных «пробелов» свидетельствует о том, что датированы как ранний, так и поздний этапы ее развития.

Согласно радиоуглеродным определениям, в Восточном Приамурье урильская культура существовала в этих же хронологических рамках – XI–III в. до н.э. Здесь ее памятники обнаружены на территории от восточной границы Малого Хингана на восток до устья р. Амур, их много и на р. Уссури, вплоть до северной границы Приморского края [14, с. 161]. К ранним ее памятникам исследователи относят поселения Кукелевского археологического микрорайона в Еврейской АО: Рыбное Озеро, Кочковатка, Бензобаки [4, с. 243], вероятно, Круглое Озеро [16, с. 70], на нижнем Амуре – Голый Мыс-1 (слои 6–9) [14, с. 163]. Появление носителей урильской культуры на нижнем Амуре И.Я. Шевкомуд связал с миграцией урильского населения из Западного Приамурья, датируя его IX–VIII вв. до н.э., полагая, что с этого момента можно говорить о раннем железном веке в данном регионе. Исследователь также считал, что здесь он продолжался до III–I вв. до н.э., «до формирования польцевской культуры», отнесенной им уже к *развитому железному веку* [14, с. 143, 149, 166]. Поздними памятниками урильской культуры в Восточном Приамурье являются поселения Петропавловское, Максим Горький, Нижнетамбовское-2 и Нижнетамбовский могильник [14, с. 162]. Согласно трем синхронизированным калиброванным радиоуглеродным определениям, Нижнетамбовский могильник может быть датирован 80–90 гг. IV в. до н.э., хотя разброс калиброванных дат укладывается в период с конца IX (815 г.) до конца III в. (204 г.) до н.э. Могильник отнесен исследователями к позднему этапу урильской культуры, ко времени перехода к польцевской культуре [23, с. 304–305].

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ ПОЛЬЦЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Сложности с датировкой польцевской культуры появились сразу после масштабных раскопок в Кукелевском археологическом микрорайоне в 1960-х гг. Одно из первых радиоуглеродных определений по древесному углю с эпонимного памятника Польце I (без указания места, где он был собран, дана только глубина в 1,5 м от уровня современной поверхности) показало дату 2930 ± 80 л.н. (980 г. до н.э., ЛЕ-652) [24, с. 260]. Ее современная калибровка (программа Calib611) показала, что дата соответствует хронологическому диапазону 1323–923 ($\pm 2\sigma$, вероятность 95 %) гг. до н.э., или второй половине XIV–X вв. до н.э. Обратив внимание на столь раннюю для польцевской культуры абсолютную дату (по сути, это начало формирования в Приамурье урильской культуры), А.П. Окладников и А.П. Деревянко заметили, что ее возраст все же «определяется тем, что она непосредственно следует по всем признакам за уриль-

ской культурой» [5, с. 276–277]. По их мнению, крупные сосуды-сфероиды из жилищ Польце I продолжают «в своих очертаниях и даже в орнаментике старые урильские традиции» [5, с. 271]. Остальные два радиоуглеродных определения по образцам угля с Польце I оказались примерно на 600 лет моложе даты 2930 ± 80 л.н. (ЛЕ-652); 2350 ± 40 л.н. (индекс лаборатории установить не удалось. – С. Н.) [3, с. 160], кал. 542–361 гг. до н.э. ($\pm 2\sigma$, вероятность – 96 %) и 2470 ± 60 л.н. (КРИЛ-7) [25, с. 180], кал. 767–411 гг. до н.э. ($\pm 2\sigma$, вероятность – 100 %). Синхронизация двух последних хронологических диапазонов показала, что поселение Польце I существовало в середине VI–V вв. до н.э.

Похожий временной отрезок – середину VI – середину IV в. до н.э. – показали два образца угля с древних поселений у с. Тахта Ульчского района Хабаровского края [26, с. 196]. Для поселения Тахта I получена дата 2385 ± 75 л.н. (СОАН-82)², кал. 770–358 гг. до н.э. ($\pm 2\sigma$, вероятность – 99 %). Для поселения Тахта II радиоуглеродное определение составило 2280 ± 100 л.н. (СОАН-83), кал. 570–87 гг. до н.э. ($\pm 2\sigma$, вероятность – 92 %).

Синхронизация временных отрезков, полученных для памятников Польце I, Тахта I и II, показала, что эти поселения польцевской культуры существовали в середине VI–V вв. до н.э. Такой хронологический расклад, полученный по четырем радиоуглеродным датам, подтверждает предложенную А.П. Дервянко датировку – конец желтоярковского этапа польцевской культуры в VI в. до н.э. и начало ее польцевского этапа, в который кроме Польце I и Амурского Санатория можно включить материалы с поселений Тахта I и II. Окончание этого этапа исследователь определил II–I вв. до н.э. [3, с. 161].

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЛИЩА 1 (1967 г.) ПОСЕЛЕНИЯ ЖЕЛТЫЙ ЯР

При определении культурно-хронологического места материалов из раскопок пос. Желтый Яр в конце 1960-х гг. в Восточном Приамурье А.П. Дервянко отметил, что сосуды и другие изделия из жилищ «имеют много аналогий в польцевской культуре, ...но нельзя не обратить внимание и на близость некоторых форм сосудов и их орнаментации с сосудами урильской культуры. Все это свидетельствует о том,

² Образец угля собран «на глубине 0,7–1,2 м от поверхности, в супесчаных осадках заключены прослойки и линзы очажного угля. Он предоставлен А.П. Окладниковым и Н.Д. Оводовым; археологическая датировка – неолит, начало II тыс. л. до н.э. Полученная дата соответствует 415 ± 75 г. до н.э. В присланном позднее личном сообщении А.П. Окладников изменил мнение об археологическом возрасте образца: «В данном случае (поселение Тахта) ранний, т.е. неолитический, слой прорезан землянками раннего железного века» [26, с. 196].

что поселения типа Желтый Яр представляют собой переходный этап от урильской к польцевской культуре» [3, с. 95]. Под близостью к урильской культуре имелись в виду, прежде всего, находки из жилища 1, так как жилище 2 (1969 г.) и материалы из него, по приведенному выше мнению О.В. Яншиной, принадлежат к более позднему этапу заселения этого места – первой половине I тыс. н.э.

Всего на полу жилища 1 найдено 6 археологически целых сосудов, из них 3 – это светильники (см. рисунок, 4) [17, с. 178; с. 207, табл. 14, 8]. Сосуд № 2 – «баночного типа, со слабо выпуклым туловом и широким дном. Венчик маленький, прямой, слегка отогнут наружу. По внешнему краю венчика сделаны редкие прямые вертикальные насечки (рисунок, 8) [17, с. 172, 199, табл. 6, 1]. Горшки с горловиной подобной морфологии являются ведущей категорией посуды у населения урильской культуры. Их прототипом могли быть сосуды с горловиной в культуре нижнего слоя сяцзядянь (например, пос. Сяньянлин) [27]. Данная керамическая традиция могла попасть в Приамурье в XI в. до н.э. с переселенцами протouriльского поликультурного конгломерата и получить здесь развитие уже в урильском гончарстве. Нанесение на срез венчика орнамента в виде насечек и различной формы вдавлений также характерно для данного типа сосудов урильской культуры [16, с. 81, табл. II, 1–4].

Сосуд № 3 – это большая емкость высотой около 37 см, тулово сферическое (рисунок, 7), с узкой горловиной и невысоким венчиком в виде широкого раструба (в первоначальном описании – «блюдовидно отогнутый»). Верх венчика плоский, срезан во внешнюю сторону, имеет насечки. От нижней линии горловины и по плечикам сосуд украшен широким поясом из горизонтально прочерченных линий, разрываемых короткими 5–6 штрихами и недлинными линиями ямок-наколов, сплошной ряд которых в нижней части орнаментального поля ограничивает всю композицию. Остальная часть тулова без орнамента [17, с. 174; с. 202, табл. 9, 1]. В этом же жилище найдены большой фрагмент венчика и 3 обломка орнаментированных разнонаправленными зубчатыми прочесами плечиков от сосудов аналогичных форм (см. рисунок, 6) [17, с. 176, 202, 203]. Данный тип сосуда-сфероида имеет многочисленные аналогии среди емкостей урильской культуры, в том числе с поселения Урильский Остров [16, с. 43, рис. 30; с. 46; с. 90, табл. XI, 3, 4] в Западном Приамурье, которое не входило в ареал польцевской культуры.

Сосуд № 4 – «большой ведрообразный, слабо-профилированный..., с яйцевидновыпуклым туловом, вытянутым к узкому выделенному дну. Венчик – прямой конусовидный раструб. Сосуд орнаментирован двумя наклепными рассеченными валиками, один

**Радиоуглеродные даты, полученные по нагару на поверхности керамики из жилища 1 (1967)
памятника Желтый Яр**

**Radiocarbon dates obtained from carbon deposits on the ceramic surface from dwelling 1 (1967)
of the Zholtiy Yar site**

Номер фрагмента керамики по описи Number fragment of ceramic according to inventory	Радиоуглеродный возраст, л.н. Radiocarbon age, BP	Индекс лаборатории Laboratory index	Калиброванная дата* ($\pm 1\sigma$), до н.э. Calibrated date ($\pm 1\sigma$) BC	Калиброванная дата ($\pm 2\sigma$), до н.э. Calibrated date ($\pm 2\sigma$) BC	$\delta^{13}\text{C}$, ‰
1093	2,240 \pm 20	IAAA-100629	377–355 (29 %) 287–233 (71 %)	386–350 (29 %) 310–209 (71 %)	–25.9
1163	2,140 \pm 20	IAAA-100630	338–330 (6 %) 203–161 (80 %) 132–118 (14 %)	349–313 (14 %) 208–95 (86 %)	28.2
1546	2,110 \pm 30	IAAA-100631	179–92 (96 %) 67–63 (6 %)	203–46 (100 %)	–

*Для определения калиброванных значений использовалась «Calib radiocarbon calibration program» (Calib611) [28].

из них налеплен под внешним краем венчика, второй – на изгибе у горловины» (рисунок, 9) [17, с. 177–178; с. 196, рис. 3]. По морфологии это – баночный (ситулообразный) сосуд, который имеет аналогии среди посуды урильской культуры (тип 3 группы открытых сосудов [16, с. 41, 42, рис. 29; с. 44]). Расположение налепных рассеченных валиков на сосуде также схоже с орнаментацией урильских сосудов как в Западном (Урильский Остров, Сухие Протоки-2, Букинский Ключ-1), так и в Восточном (Бензобаки, Рыбное Озеро) Приамурье [17, с. 91, табл. XII, 4, 6; с. 93, табл. XIV, 8; с. 80, табл. I, 16; с. 95, табл. XVI, 10; 21, с. 130, рис. 5, 2].

Приведенные характеристики сосудов с пола жилища 1 (1967 г.) Желтого Яра свидетельствуют о том, что данная постройка относится к урильской, а не к польцевской культуре. Этому не противоречит обнаружение фрагментов керамики с вафельным орнаментом, с серией горизонтальных валиков на горловине, папиллярными отпечатками. На сосудах урильской культуры выглаженные валики, скомпонованные в единое орнаментальное поле, известны, начиная с ее раннего периода (Букинский Ключ-1, слой 5.1 и 3.3 – Западное Приамурье, р. Буря; Петропавловка – Восточное Приамурье) [16, с. 104, табл. XXV, 2; 21, с. 157, рис. 22, 4; с. 151, рис. 26, 13]. Сосуд, сплошь покрытый вафельными отпечатками, найден на памятнике Букинский Ключ-1 в слое 5.1 с артефактами только урильской культуры [21, с. 35, рис. 15]. Вафельные оттиски нанесли роликовыми штампами, которыми покрывали поверхность сосудов до основания плечиков, изредка, как отмечалось выше, и всю поверхность [16, с. 53]. Обнаруженные в жилище 1 (1967) Желтого Яра каменные плечиковые мотыжки [17, с. 206, табл. 13, 4, 5] также характерны для урильской культуры [4, с. 349, табл. LXXV].

О.В. Яншина в результате новых раскопок на памятнике Желтый Яр пришла к выводу о том, что жилища 1, 2 (2008 и 2009 гг.) и, видимо, жилище 2 (1969 г.) представляют поздний этап польцевской культуры. Керамика же с пола жилища 1 (1967 г.) маркирует предположительно ранний этап освоения данной возвышенности, и она сопоставима с материалами пос. Амурский Санаторий, который исследователи относят к началу формирования польцевской культуры, или, точнее, отмечают урило-польцевские изменения [3, с. 90–95; 12, с. 265; 16, с. 72]. Одним из аргументов таких процессов на фоне признания артефактов из жилища 1 (1967) ранними [12, с. 265] стала находка в нем 3 светильников как свидетельство урило-польцевских взаимоотношений (см. выше). Однако если признать жилище 1 (1967 г.) урильским, то и появление в быту чаш-светильников можно считать достижением носителей этой культуры.

Для уточнения времени бытования жилища 1 (1967 г.) приведем радиоуглеродные определения, полученные в 2010 г. (см. таблицу).

Полученные временные интервалы, в течение которых мог накапливаться нагар на сосудах, дали следующие значения ($\pm 2\sigma$): 386–209 (IAAA-100629); 349–95 (IAAA-100630) и 203–46 гг. до н.э. (IAAA-100631)³. Синхронизация данных значений показала хронологический отрезок 209–95 гг. до н.э., или последнее десятилетие III – первое десятилетие I в. до н.э.

³ Предварительно обработанные образцы превращали в графит в Institute of Accelerator Analysis Ltd. (IAA). Наличие большого влияния «пресноводного резервуарного эффекта» на результаты радиоуглеродного датирования не зафиксировано.

Автор благодарит профессора Минору Сакамото из National Museum of Japanese History и профессора Исао Усуки из Sapporo Gakuin University за возможность воспользоваться результатами радиоуглеродного датирования.

Если исходить из факта принадлежности жилища 1 (1967 г.) Желтого Яра носителям урильской культуры, датировка которого приходится в основном на II в. до н.э., то переходный желтоярковский этап, к которому относятся памятники Кочковатка II, Рыбное Озеро II и Польце II, таким образом, меняет свою позицию на хронологической шкале – с VII–VI, максимум на конец III – начало I в. до н.э. Или придется признать, как отмечал И.Я. Шевкомуд для урильской керамики кольчёмского типа (см. выше), проживание позднего урильского населения в окрестности носителей польцевской культуры.

Время финального этапа урильской культуры А.В. Гребенщиков, исходя из двух некалиброванных радиоуглеродных дат (2420 ± 60 л.н., СОАН-2617; 2350 ± 20 л.н., СОАН-2618) образцов угля с пола жилища 1 в пос. Кочковатка у с. Кукелево и двух определений для жилищ 5 (2490 ± 30 л.н., Ки-3748) и 6 (2540 ± 50 л.н., Ки-3749) памятника Максим Горький с нижнего Амура, определяет VI–V вв. до н.э. [16, с. 72]. Калибровка ($\pm 2\sigma$) этих двух дат с Кочковатки, а также еще двух радиоуглеродных определений, одно – угля из заполнения котлована (2565 ± 25 л.н., СОАН-2616), другое – костей из трех ям под полом жилища 1 (2660 ± 30 л.н., Ки-3752) [21, с. 119], показала два хронологических отрезка: 808–800 гг. до н.э. (ямы и заполнение котлована) и 407–398 гг. до н.э. (пол). Более надежными выглядят радиоуглеродные даты угля с пола жилища – V–IV вв. до н.э. Образец костей из трех ям явно сборный, а в котлован уголь мог высыпаться из слоев, содержащих следы более древних пожарниц, в том числе природных.

По калиброванным ($\pm 2\sigma$) датам двух жилищ поселения Максим Горький установлен временной промежуток их бытования – 790–520 гг. для жилища 5 и 812–418 гг. до н.э. для жилища 6. Их синхронизация показала хронологический отрезок существования поселения между 790 и 520 гг. до н.э., или VIII–VI вв. до н.э., что довольно много для одного поселения, хотя верхняя дата укладывается в начало финального этапа урильской культуры в Восточном Приамурье. Но знаменует ли она начало урило-польцевских отношений?

НОВЫЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ В РАЗВИТИИ ПОЛЬЦЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследование гончарства населения польцевской культуры позволило Хон Хён У показать, что «материалы польцевской культуры сопоставимы с материалами ряда культур Маньчжурии. Они полностью идентичны культуре [культурному типу. – С.Н.] ваньяньхэ и находят много аналогий в культурах гуньтулин и фэнлинь. Больше всего сходных черт в морфологии и орнаментации керамических сосудов

отмечено между этапами I и II культуры гуньтулин (II в. до н.э.– II в. н.э.) и пос. Польце I». Так, найденный на пос. Польце I сосуд с ручкой демонстрирует связь с культурой гуньтулин, «поэтому мы можем датировать данный памятник II–I вв. до н.э., а поселения Желтый Яр и Амурский Санаторий – более ранним временем, IV–III вв. до н.э.» [29, с. 24–26].

По этим датам и результатам анализа керамического материала Хон Хён У построена относительная типология и хронология польцевских памятников Восточного Приамурья. Первый этап (Кочковатка II, Рыбное Озеро II) датируется VI–IV вв. до н.э., второй (Желтый Яр, Амурский Санаторий) – IV–III вв. до н.э., третий (Польце I, II, Най I) – II–I вв. до н.э. [29, с. 21].

Несмотря на изменение содержания этапов развития польцевской культуры, Хон Хён У полагает, что памятники первого и частично второго этапа или имеют достаточно много урильских черт в керамике (Желтый Яр), или посуда еще сохраняет единичные признаки этой культуры (например, блюдовидно отогнутый венчик с Амурского Санатория). На третьем этапе на керамике Польце I они уже не фиксируются. В Приамурье с появлением польцевских памятников типа Польце I, II и Най I памятники типа Амурского Санатория исчезают [29, с. 23].

Что касается точек зрения китайских исследователей на происхождение польцевской культуры, то, несмотря на то, что они связывают его, как и появление культурного типа ваньяньхэ на территории Нижнесунгарийской равнины (Саньцзяна), с переселением протопольцевского населения с территории Ляодунского полуострова и районов нижнего течения р. Ляохэ [30, с. 271], все же допускают участие в формировании этой культуры носителей урильской культуры. Среди некоторых китайских исследователей существует концепция о существовании единого культурного образования, которое на равнине Саньцзян представлено культурным типом ваньяньхэ [31], а в российском Приамурье польцевской культурой. Они также полагают, что из него впоследствии выделилась культура гуньтулин [32, с. 26]. Однако есть и другое мнение, согласно которому культура гуньтулин не имеет общих корней с ваньяньхэ и польцевской культурой, несмотря на ряд явных аналогий [33].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ мнений исследователей о происхождении польцевской культуры в Восточном Приамурье показал, что, несмотря на некоторые изменения в структуре ее генезиса, новые абсолютные даты, уточнившие хронологию некоторых поселений, все еще дискуссионным остается положение об

урильской составляющей как основе ее формирования. Миграционное направление формирования польцевской культуры в исследованиях обозначено не явно (отмечена только допустимость того, что польцевские первооселенцы в V в. до н.э. были современниками позднеурильского населения; есть упоминание о населении с керамикой, близкой урильской: оно проживало около рубежа эр на окраинах польцевского культурного мира), хотя, на наш взгляд, этот факт является перспективным. Если появление в Восточном Приамурье польцевской культуры исследователи в целом относят ко второй половине I тыс. до н.э., то начало ее формирования определяют VII–VI вв. до н.э. Однако все имеющиеся радиоуглеродные даты для поселений Польце I, Тахта I и II, Сикачи-Алян [22], скорее, маркируют начальные этапы урильской культуры, нежели польцевской. Не исключено, что их хронологические определения вполне могут датировать какие-то события времени существования урильской культуры (например, пожарища) и не иметь отношения к упомянутым польцевским поселениям. Поэтому определение радиоуглеродным методом времени бытования эпонимного памятника Польце I является актуальной задачей дальневосточной археологии раннего железного века. На его материалы завязаны многие этнокультурные построения истории населения в раннем железном веке и в переходе к эпохе раннего Средневековья не только в Приамурье и Приморье, но и на сопредельных территориях.

В противоположность точке зрения российских ученых, китайские археологи отмечают схожесть культурного типа ваньяньхэ и культуры гуньтулин с Нижнесунгарийской равнины (Саньзяна) с польцевской культурой и их миграционное происхождение, хотя участие населения урильской культуры в становлении этих культур на новой территории ими также не отрицается.

В отличие от переселения протоурильского культурного конгломерата из Маньчжурии в Приамурье в XI в. до н.э., когда они пришли, по сути, на опустевшие по невыясненным пока причинам земли [14], протопольцевские племена, предположительно мигрировавшие сюда во второй половине I тыс. до н.э., столкнулись здесь с поздним населением урильской культуры. Возможно, именно о факте прихода нового населения свидетельствуют элементы аборигенной материальной культуры в материалах польцевской культуры, и наоборот. Главная задача современных исследований – выявление данных элементов и поиск им аналогий для того, чтобы понять механизм взаимодействия двух культур и определить хронологический период, когда это произошло.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Окладников А.П.* О работах археологического отряда Амурской комплексной экспедиции в низовьях Амура летом 1935 г. // *Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.)*. Новосибирск: Наука, 1980. С. 3–52.
2. *Дерюгин В.А.* Результаты раскопок на поселении Малмыж-1 в 1992–93 гг. // *Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии*. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2009. С. 165–171.
3. *Деревянко А.П.* Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). Новосибирск: Наука, 1976. 384 с.
4. *Деревянко А.П.* Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973. 356 с.
5. *Окладников А.П., Деревянко А.П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. 440 с.
6. *Копытько В.Н.* Петропавловка – могильник раннего железного века (польцевская культура) // *Новейшие исследования памятников первобытной эпохи на юге Дальнего Востока СССР*. Владивосток, 1988. С. 3–7.
7. *Медведев В.Е.* Об исследовании польцевской культуры в Приамурье // *Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 298–308.
8. *Медведев В.Е.* Корсаковский могильник: хронология и материалы. Новосибирск: Наука, 1991. 175 с.
9. *Краминцев В.А.* Поселение и городище Васильевка-3 – новые памятники польцевского времени в Бикинском районе Хабаровского края // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах*. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2002. Т. 3. С. 82–89.
10. *Краминцев В.А.* Васильевское городище // *Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии*. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 130–139.
11. *Васильев Ю.М.* Памятники польцевской культуры р. Кур // *Археология и культурная антропология Дальнего Востока*. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 156–174.
12. *Янишина О.В.* Поселение Жёлтый Яр: к проблеме соотношения польцевских и ольгинских памятников // *Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Жанны Васильевны Андреевой*. Владивосток: ООО «Рея», 2010. С. 259–272.
13. *Краминцев В.А., Киселев С.А., Черников Е.В.* Поселение Амурской Санаторий. История исследований и спасательные археологические раскопки в 2017 году // *Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. К 15-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области*. СПб.: Изд-во «Росток», 2018. С. 137–145. DOI: 10.18411/kra-2018-20.
14. *Шевкомуд И.Я.* Неолит – палеометалл в нижнем Приамурье – концепция палеоэтнокультурного развития. // *Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития*. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 140–176.
15. *Медведев В.Е.* Двухслойный памятник Амурзет и некоторые вопросы археологии Приамурья // *Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии*. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2009. С. 199–228.
16. *Гребеничиков А.В., Деревянко Е.И.* Гончарство древних племен Приамурья (начало эпохи раннего железного века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 120 с.
17. *Деревянко А.П., Глинский С.В.* Поселение раннего железного века у села Желтый Яр Еврейской автономной области // *Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии СОАН СССР, 1972. С. 145–207.
18. *Нестеров С.П., Гирченко Е.А.* Концепции происхождения урильской культуры в Приамурье // *Восток Азии: проблемы изуче-*

ния и сохранения историко-культурного наследия региона. К 15-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области. СПб: Изд-во «Росток», 2018. С. 201–209. DOI: 10.18411/nes-2018-27.

19. Подутов А.В. Род сушэнь в китайских письменных памятниках // Средневековые древности Приморья. Владивосток: Дальнаука, 2016. Вып. 4. С. 244–260.

20. Древности Буреи. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 352 с.

21. Шеломихин О.А., Нестеров С.П., Алкин С.В. Долина Буреи в эпоху палеометалла: материалы и исследования памятников Букинский Ключ-1 и Безумка. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. 194 с.

22. Нестеров С.П., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А. Хронология культур раннего железного века и средневековья Приамурья // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 3. С. 19–25.

23. Шевкомуд И.Я., Бочкарева Е.А., Косицына С.Ф., Мацумото Т., Учуда К. Исследования Нижнетамбовского могильника (о погребении воина с мечом) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: мат-лы Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию со дня рождения Михаила Михайловича Герасимова. Иркутск: Оттиск, 2007. Т. 2. С. 301–306.

24. Семенцов А.А., Романова Е.Н., Долуханов П.М. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА // Сов. археология. 1969. № 1. С. 251–261.

25. Нацокин В.Д., Стариков Э.В., Жидовленко В.А. Радиоуглеродная датировка лаборатории истории лесов Сибири и Дальнего Востока Института леса и древесины им. В.Н. Сукачева СО АН СССР г. Красноярск (сообщение I) // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. 1973. № 40. С. 180–192.

26. Фирсов Л.В., Панычев В.А., Орлова Л.А. Радиоуглеродные даты лаборатории геохронологии Института геологии и геофизики СО АН СССР, Новосибирск // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. 1972. № 38. С. 190–197.

27. Нестеров С.П., Гирченко Е.А. Морфологический анализ сосудов с горловиной эпохи палеометалла Приамурья и Южной Маньчжурии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 522–527. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.522-527.

28. Stuiver M., Reimer P.J. Extended ¹⁴C Data Base and Revised CALIB 3.0 ¹⁴C Age Calibration Program // Radiocarbon. 1993. Vol. 35, N 1. P. 215–230.

29. Хон Хён У. Керамика польцевской культуры на востоке Азии (V в. до н.э. – IV в. н.э.): автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. 30 с.

30. Нестеров С.П., Соболев А.Е. Культурный тип ваньяньхэ на северо-востоке Китая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. Т. XXVI. С. 556–564. DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.556-564.

31. Чжунго дунбэй дицуй Сю чжи Чжаньго шици дэ каогу вэньхуа яньцзю (Исследование археологических культур на территории северо-востока Китая от эпохи династии Ся до периода Сражающихся царств). Пекин: Изд-во Кэсюэ, 2009. 318 с. (на кит. яз.).

32. Цзя Вэймин, Вэй Гоцзун. Лунь илоу дэ каогусюэ вэньхуа (К вопросу об археологической культуре илоу) // Бэйфан вэньху. 1989. № 3. С. 24–29 (на кит. яз.).

33. Ян Ху, Линь Сюэжэнь. Шилунь Ваньяньхэ лэйсин юй Поэрцай вэньхуа дэ гуаньси (О связях польцевской культуры и культурного типа ваньяньхэ) // Бэйфан вэньху. 2006. № 4. С. 21–27 (на кит. яз.).

REFERENCES

1. Okladnikov A. P. On the works of the archaeological team of the Amur Complex Expedition in the lower Amur River in summer

1935. *Istochniki po arkheologii Severnoy Azii (1935-1976)*. Novosibirsk, 1980, pp. 3–52. (In Russ.)

2. Deryugin V. A. The results of excavations at the Malmyzh-I settlement in 1992–93. *Kul'turnaya khronologiya i drugie problemy v issledovaniyakh drevnostey vostoka Azii*. Khabarovsk, 2009, pp. 165–171. (In Russ.)

3. Derevyanko A. P. Amur Basin (I millennium BC). Novosibirsk, Nauka, 1976, 384 p. (In Russ.)

4. Derevyanko A. P. Early Iron Age of the Amur Basin. Novosibirsk, Nauka, 1973, 356 p. (In Russ.)

5. Okladnikov A. P., Derevianko A. P. The distant past of Primorie and Amur Basin. Vladivostok, Far East Book Publ., 1973, 440 p. (In Russ.)

6. Kopyt'ko V. N. Petropavlovka is a burial ground of the Early Iron Age (Poltse culture). *Noveyshie issledovaniya pamyatnikov pervobytnoy epokhi na yuge Dal'nego Vostoka SSSR*. Vladivostok, 1988, pp. 3–7. (In Russ.)

7. Medvedev V. E. On studying the Poltse culture in the Amur Basin. *Fundamental'nyye problemy arkheologii, antropologii i etnografii Evrazii*. Novosibirsk, 2013, pp. 298–308. (In Russ.)

8. Medvedev V. E. Korsakov. Burial ground: chronology and materials. Novosibirsk, Nauka, 1991, 175 p. (In Russ.)

9. Kramintsev V. A. The settlement and fortress of Vasilyevka-3 are new sites of the Poltse time in the Bikinsky district of Khabarovsk Region. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh*. Blagoveshchensk, 2002, vol. 3, pp. 82–89. (In Russ.)

10. Kramintsev V. A. Vasilyevskoe fortress. *Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka i Tsentral'noy Azii*. Vladivostok, 2002, pp. 130–139. (In Russ.)

11. Vasil'ev Yu. M. Sites of the Poltse culture of the Kur River. *Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka*. Vladivostok, 2002, pp. 156–174. (In Russ.)

12. Yanshina O. V. Settlement Zheltyy Yar: on the problem of correlation between the Poltse and Olga sites. *Priotkryvaya zavesu tysyacheletiy: k 80-letiyu Zhanny Vasil'evny Andreevoy*. Vladivostok, 2010, pp. 259–272. (In Russ.)

13. Kramintsev V. A., Kiselev S. A., Chernikov E. V. Settlement Amur Sanatorium. Research history and rescue archaeological excavations in 2017. *Vostok Azii: problemy izucheniya i sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya regiona*. Saint Petersburg, 2018, pp. 137–145. DOI: 10.18411/kra-2018-20. (In Russ.)

14. Shevkomud I. Ya. Neolithic–paleometal in the lower Amur Basin, the concept of paleoethnocultural development. *Pervobytnaya arkheologiya Dal'nego vostoka Rossii i smezhnykh territoriy Vostochnoy Azii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya*. Vladivostok, 2015, pp. 140–176. (In Russ.)

15. Medvedev V. E. Amurzet, a two-layer site, and some questions of archaeology of the Amur Basin. *Kul'turnaya khronologiya i drugie problemy v issledovaniyakh drevnostey vostoka Azii*. Khabarovsk, 2009, pp. 199–228. (In Russ.)

16. Grebenshchikov A. V., Derevyanko E. I. Pottery of the ancient tribes of the Amur Basin (beginning of the early Iron Age). Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2001, 120 p. (In Russ.)

17. Derevyanko A. P., Glinsky S. V. Settlement of the early Iron Age near Zhelty Yar village in Jewish Autonomous Region. *Materialy po arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk, 1972, pp. 145–207. (In Russ.)

18. Nesterov S. P., Girchenko E. A. Concepts of Uril culture origins in the Amur Basin. *Vostok Azii: problemy izucheniya i sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya regiona. K 15-letiyu Tsentra po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Amurskoy oblasti*. Saint Petersburg, 2018, pp. 201–209. DOI: 10.18411/nes-2018-27. (In Russ.)

19. Polutov A. V. The Sushen clan in Chinese written records. *Srednevekovyye drevnosti Primor'ya*. Vladivostok, 2016, iss. 4, pp. 244–260. (In Russ.)

20. Derevyanko E. I. (ed.) Antiquities of Bureya. Novosibirsk, Inst. of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2000, 352 p. (In Russ.)

21. Shelomikhin O. A., Nesterov S. P., Alkin S. V. The valley of the Bureya River in the Paleometal era: materials and research of Bukinsky Klyuch-1 and Bezumka sites. *Blagoveshchensk*, 2017, 194 p. (In Russ.)
22. Nesterov S. P., Kuzmin Ya. V., Orlova L. A. Chronology of the cultures of the early Iron Age and the Middle Ages of the Amur Basin. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, 1998, no. 3, pp. 19–25. (In Russ.)
23. Shevkomud I. Ya., Bochkareva E. A., Kositsyna S. F., Matsu-moto T., Uchida K. Research of the Nizhnetambov burial ground (on the burial of a soldier with a sword). *Severnaya Evraziya v antropo-gene: chelovek, paleotekhnologii, geokologiya, etnologiya i antropo-logiya: materialy Vseros. konf. s mezhdunar. uchastiem*. Irkutsk, 2007, vol. 2, pp. 301–306. (In Russ.)
24. Sementsov A. A., Romanova E. N., Dolukhanov P. M. Radiocarbon dates of the LOIA laboratory. *Sovetskaya arkheologiya*, 1969, no. 1, pp. 251–261. (In Russ.)
25. Nashchokin V. D., Starikov E. V., Zhidovlenko V. A. Radiocarbon dating of the Laboratory of the Forest History in Siberia and the Far East of the V.N. Sukachev Institute of Forest and Timber of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, Krasnoyarsk (Communication 1). *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda*, 1973, no. 40, pp. 180–192. (In Russ.)
26. Firsov L. V., Panychev V. A., Orlova L. A. Radiocarbon dates of the Laboratory of Geochronology, Institute of Geology and Geophysics, Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, Novosibirsk. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda*, 1972, no. 38, pp. 190–197. (In Russ.)
27. Nesterov S. P., Girchenko E. A. Morphological analysis of vessels with the neck of the Paleometal age from the Amur Region and Southern Manchuria. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2019, vol. 25, pp. 522–527. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.522-527. (In Russ.)
28. Stuiver M., Reimer P. J. Extended ¹⁴C data base and revised CALIB 3.0 ¹⁴C age calibration program. *Radiocarbon*, 1993, vol. 35, no. 1, pp. 215–230.
29. Woo H. H. Ceramics of the Poltse culture in the East of Asia (V century BC – IV century AD): diss. abstr. Novosibirsk, 2008, 30 p. (In Russ.)
30. Nesterov S. P., Sobolev A. E. Wanyanhe cultural type in north-eastern China. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2020, vol. 26, pp. 556–564. DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.556-564. (In Russ.)
31. The study of archaeological cultures in the territory of China's north-east from the era of the Xia Dynasty to the Warring States. Beijing: Kexiue, 2009, 318 p. (In Chin.)
32. Jia W., Wei G. On the question of the archaeological culture of the Yilou. *Beifang wenwu*, 1989, no 3, pp. 24–29. (In Chin.)
33. Yang H., Lin X. On the connections between Poltse culture and the Wanyanhe cultural type. *Beifang wenwu*, 2006, no 4, pp. 21–27. (In Chin.)

Статья поступила в редакцию 06.01.2021

Дата рецензирования 24.01.2021

Статья принята к публикации 01.02.2021